

1

Сётелём тёлёнке яланлăх юлтăн.
 Пуçу тавра анатрилле сурпан.
 Художника тав турăн та ыр сунтăн:
 «Хам пек пуль,— терён,— ватă,— ватă ав,
 куран...»

Суха касси пек тарăн пёркеленчĕк,
 Çат тытнă тутуна яланхи пек.
 Ик куç харши хушши раснах йёрленчĕ,—
 Унта пайтах пытарăнна инкек.

2

Эс кайрăн та — кил-çуртам юлчĕ пушă.
 Пёрре кăна çĕр каçрăн çен килте.
 Хăнăхаймасăр хăшкăлтăм пёр хушă:
 Ытла сасартăк пулчĕ! Тем кĕтеп...
 Тин мар-и кўршĕ-аршăпа эс лартăн?
 Тин мар-и-ха пăлхар тусăмсене
 Дунай юрри савса юрласа патăн,
 Тав куркине сулса енчен енне?

3

Кил-çурт хўттийĕн, ыра пирĕштнийĕн
 Кăштăртатса çўреттĕн ерипе.
 Пиçиххийў синчи сара уссийĕ
 Хуллен ак халь те чёлтёртетнĕ пек...
 Эс ёçлемесёр пурăнма пёлмерён:
 «Ват йывăç ларнă халлĕнех хăрать,
 Сапла вилсен аванчĕ маншăн»,— терён.
 Çав ёмётў сан ситрĕ, ахăрах.

1

«Спасибо,— ты художнику сказала,—
 Похожей вышла, знать: стара, седа...»
 Позируя, сурбан ты повязала,
 Такою и осталась навсегда.
 Глубокие, как борозды, морщины
 И по привычке крепко сжатый рот.
 Между бровями как бы две лошины,—
 Немало скрыто бед в них и забот...

2

Все пристальней на твой смотрю я облик.
 Ушла ты — и заметно пуст мой дом.
 Так долго слыша голос, сразу мог ли
 Тебя представить в мире я глухом?
 Давно ли ты с соседями сидела,
 Давно ли с чаркой полною в руке
 Друзьям моим болгарским песню спела
 Над Волгой о Дунае о реке?

3

Мой добрый дух! Я знал еще ребенком,
 Как ходишь ты неслышно: лишь ключи
 На поясе позванивают тонко,
 Как будто дальний ручеек журчит...
 Ты не смогла бы дня прожить без дела:
 «Состарившись, дуб сохнет на корню,—
 Твердила ты,— вот так и я б хотела...
 Да как заботы людям причиню?»

«Сынна йалхтарса епле выртайан?
 Виç кунлаҳ сес пулинччә ман чәрмав»,—
 Тесе калаттан. Виçсәмәш кун кайран.
 Шав сума́р сурә, лүшкентерчә шав...
 «Ыр сын вилсен ялан сапла вәл»,— терәс.
 Савна сәнанә имәш ваттисем.
 Пәлместәп эп: те терәс мар, те терәс,
 Анчах сана начар темен сынсем.

Эп сан сүлна ситеймәп: сывлаҳ урах...
 Пәртен-пәру — пулмарәм йах асси,
 Таса юнпа суратран, сирәп турән,
 Хамран килетчә пуль упранасси.
 Хамран-ши? Ах, апла кәна пулсассән!
 Анчах сәнталак төрлә савранатъ:
 Хәш чух, ирпе хәвел йәл-йәл кулсассән,
 Қа́па сип-сивә сума́р яранатъ...

Мана ыра шанми туни те пулчә...
 Сав хурлахла, хәрхү самантсенче
 Санпа кәна ман күтнә кәмәл тулчә,
 Санпа кәна илемләччә тәнче.
 Ялти пүртри тәпелччә-и, хула-и,—
 Сан кәмәлу пәр пекчә яланах.
 Пусәранаттамччә савна пула эп,
 Эмел пек сипләччә таван сәмах.

«...Хлопот дня на три, как глаза закрою,
 Доставить можно»,— добавляла ты...
 На третий день простился я с тобою.
 Лил теплый дождь на летние цветы...
 «Вот так всегда, коль добрый умирает»,—
 Сказали люди старые вослед.
 Верна примета, неверна ль — я знаю:
 Худого про тебя не скажут, нет.

До лет твоих смогу дожить едва ли...
 Твой первенец, единственный я твой,
 В сорочке был рожден, как вспоминали,
 И с кровью чистой, жаркой, трудовой.
 Беречь себя — моя была забота.
 Моя ль?
 О, если только бы моя!
 Бывает — утром солнца позолота,
 Под вечер ледяная бьет струя...

В дни грусти, горьких разочарований,
 Когда чуть тлела вера в доброту,
 Стремился я к тебе и знал заране,
 Что вновь покой душевный обрету.
 Встречались ли мы в городе, в селе ли —
 Умела доброй ласкою облечь.
 И вновь мечты заветные светлели,
 Лечила душу мне простая речь.

Самаварна чѣртеттѣн те кашкѹлѣм —
Ларатчѣ юрласа сѣтел шинче.

«Кашт калаҫар-ха,— теттѣн,—
тахҫан ѹлѣм?»

Сѹлу-йѣрѹ ялан ҫапла инҫе...»
Мѣн куҫ павнӑ сан ывӑлна ҫав шай?
Инҫеччѣ ҫав, инҫеччѣ, ҫывӑх марччѣ,
Ялан вӑл тавалла тапса хӑпарчѣ,
Пѣр утӑм та пусмарѣ тӑва май.

«Пѣрре ҫуралнӑскер пѣрре вилетѣн,
Анчах эс пурӑна пӗл пурнӑҫа!» —
Тесе хутран-ситрен мана питлеттѣн.
Пӗлме... пӗлме пит йывӑр пулнӑ ҫав.
Те пӗлтѣм пурӑнма, те пӗлеймерѣм?
Хальччен мӗскер ативнӗ — йӑлт паха:
Хӑй майлӑ сиплӗ пыл, хӑй майлӑ — эрѣм,
Тата мѣн курасси, ай, пур-ши-ха?

Тахҫан ача чухнех эс вѣрентеттѣн,
Саспаллисем палла пуҫласанах:
«Ўссессѣн хура халӑхшӑн тӑр,— теттѣн,—
Ҫыру тесе йӑхна ан мансамах».
Сана итлеттѣм ун чухне йӑвашшӑн,
Хура-шурра ӑнланнӑ-ӑнланман...
Мѣн те пулин тӑвайрӑм-ши чӑвашшӑн?
Ана хӑй калӗ халӑхӑм кайран,

Бывало, ставишь самовар вечерний,
И запоеет он нежно, как сырнай *.
«Поговорим. Ты редкий гость в деревне.
Бросает же тебя из края в край!..»
Да, путь к тебе лежал подчас окольный.
Кружил твой сын, бог весть чем увлечен.
И, выбирая кручи добровольно,
Ни шагу под гору не делал он.

Порой ты, как бы походя, роняла:
«Рожденный раз — и умирает раз.
Сумей прожить — вот это труд немалый!»
Да, думал я, не всякий тут горазд.
Как жить? Ответить трудно было мне бы.
Во всем зерно добра и зла зерно:
Целебен мед, как и полынь целебна...
Что мне еще ответить суждено?

Говаривала часто мне ты в детстве,
Когда я буквы первые слагал:
«Храни честь рода чистою ты в сердце,
Любви родной народ, как он ни мал...»
Тебя я слушал молча. Год от года
Труднее становился мой подъем.
Что сделал я для нашего народа?
Об этом скажет сам народ потом.

* Сырнай—музыкальный инструмент, дудка (чув.).

Шухайшласан — шухайхам тем чухлэ,
 Аса илсессён — темён те асра.
 Пёр тикёс килмесен те сын кунсулэ,
 Чун яланах усратарччэ ыра.
 Шайтартатмасар пулмэ чашак-тирэк,
 Анчах аша ан лектёр хура юн.
 Сан пек пуласчэ тусёмлэ те сирёп:
 Хура юна сентертёр ыра чун.

Хаш чух келтунэ евёр каласаттан:
 «Сёре кёресчэ кушлэ та пушлах...»
 Сакярвунна сити чентёр сыхаттан!
 Кушу сунмерё, хупанчэ вутлах.
 Сусне касаттам, чёрнуне иртеттём,
 Суса та калараттам килте чух,—
 Сулланиасём илемлеччэ, аннесём,
 Сан пек никам та маншан пулас сук.

Уявсенче икерчэ пёсерсессён,
 Сынна ативтереттён саванса.
 Салхуччэ эс, сав кун сын кемесессён:
 «Килмерё сёт майри те исмасса»,—
 Тесе вара курше кайса ченеттён,
 Пёри пулмарё — килтёрччэ тепри:
 «Сатма шарши калартам та кашт»,--теттён,—
 Сисе пахсам... сенехчэ те сепри...»

Моим раздумьям ни конца, ни края.
 Несутся годы, сердце мне круша...
 Забот ли бремя, горе ль пригибает —
 Пусть доброту всегда хранит душа.
 Нельзя посудой не стучать, доколе
 Семья семьею будет, домом дом...
 Мне б мужество твое,
 Твою бы волю,
 Чтоб зло не устояло пред добром.

Нередко ты с тревогой повторяла:
 «Лишь зрячей бы ходить, пока жива...»
 Восьмой десяток шел, а ты вязала
 С девичьим увлечением кружева.
 Ровнял ли волосы порой тебе я,
 Лекарства ль приходилось подавать —
 Из года в год казалась ты милее,
 Моя седая, сгорбленная мать!

По праздникам, давно забытым мною,
 Особенности ты пекла блины
 И потчевала всех пришедших стоя,
 Блюда родной обычай старины.
 «Хотя б молочница пришла сегодня!»—
 Вдыхала ты, коль не было звонка.
 Звала соседку именем господним:
 «Поешь-ка... На дрожжах...»

На вкус-то как?..»

Тусамсене ятран пѣлсе тѣраттѣн.
 Пѣр пысѣк ялчѣ саншѣн Шупашкар.
 Митта Ваҫлейѣн саввине тѣнлаттѣн,
 Ларса юрлаттѣр иксѣр юнашар.
 Ак эс те, вѣл та ҫук ѣнтѣ. Хура ҫѣр
 Хупларѣ те ямарѣ каялла.
 Ыр сунансем сире ырах кураҫҫѣ,
 Ҫав сыпѣнтартѣр хуҫак кѣмѣла.

Кѣнекерен, куллен-кунхи ѣҫрен те,
 Тѣл пулнѣ ҫынсенчен те ывѣнсан,
 Час-час санпа лармашкѣн эп вѣрентѣм,
 Сана пѣр сиктермесѣр тѣнласа.
 Каланине ҫыра-ҫыра пыраттѣм
 Кукаҫейсем, кукамайсем ҫинчен...
 Хама пѣр пысѣк килѣйшра кураттѣм,
 Халь ак эс ҫук та — ҫав тери кичем!

Ҫуратасси — хѣрарѣмѣн телейѣ,
 Ҫстересси — ун кулленхи нуши.
 Ачи кам пуласса ѣҫтан пѣлейѣ?
 «Ҫын пултѣр», — тет сѣпайлѣн апѣрши.
 Анчах ак эп, сасартѣк витѣр курнѣн,
 Анлантѣм хам кунҫулѣн тупсѣмне:
 Мана эс ҫын та, савѣҫѣ та турѣн,
 Ик хут сана эп парѣмлѣ, анне!

Друзей моих ты знала поименно.
 Наш город был тебе большим селом.
 Ты слушала поэтов умиленно
 И пела вместе с ними за столом.
 Давно ль Митта * сидел с тобою рядом?
 Вот и его земля взяла навек.
 Горюю я. Но есть одна отрада:
 Добром вас добрый вспомнит человек.

Устав от книг, от черновых тетрадей,
 От встреч, бывавших нудными порой,
 Любил под вечер отдыха я ради
 С тобою посидеть часок-другой.
 Ты вспоминала были-небылицы,
 Я проверял на слух, крепка ль строка.
 Выходит, нам уже не поделиться?
 Такая иногда в душе тоска!

Рожать детей — и боль, и счастье женщин.
 Кто знает, кем ребенок станет твой?
 Какой судьбой бы ни был он увенчан,
 Он всех дороже матери родной.
 Но я как будто вдруг прозрел — и разом
 Все в жизни стало ясного ясней:
 Тобой рожденный, я тебе обязан
 И песней сокровенною моей.

* Митта Василий — известный чувашский поэт.

Укерчѣкѹ нумай сынна пяхтарчѣ,
 Пѣри апла курать, тепри капла.
 Манра аннен тем чухлѣ сѣн-сѣпачѣ:
 Расна курап кашни сѣввѣмпала.
 Анчах, сѣну мѣн евѣр пайлансан та,—
 Паян, ыран е ѹлѣм, малашне,—
 Санра эп курѣп, теп, кирек хѣсан та
 Пѣр пѣтѣм сѣн — чѣвашан амѣшне.

Сѣпка юррипеле чѣлхе упранѣ,
 Вѣйѣсенче, туйра та юпара
 Пѣр савѣнса, пѣр хурланса юрланѣ
 Пин-пин анне пекех эс асѣмра.
 Калас килет сана: пур пек вѣя та,
 Чуна та — халѣха эп пехиллем.
 Тайма пуѣа сѣре ситех таятѣп,
 Чѣлхемсѣн амѣшѣ, чѣваш аннем!

Одни тебя находят в красках строгой,
 Другие скромным видят облик твой.
 Во мне — портретов матери так много,
 Что вижу каждый раз тебя иной.
 Но только, где потом ни вспомню,
 всюду,—
 Сегодня, завтра, через десять лет,—
 Наверное, всегда я видеть буду
 В тебе чувашской матери портрет.

От колыбельной песни до отходной,
 То радость изливая, то печаль,
 Ты пронесла огонь души народной,
 Как тысячи певец, ушедших вдаль.
 Клянусь тебе: душа моя готова
 Стократ сгореть, чтоб свет народу дать.
 Хранительница очага и слова,
 Земной поклон тебе, чувашка-мать!